Сальков, А. П. СССР и Триестинский кризис (май — июнь 1945 г.) / А. П. Сальков // Працы гістарычнага факультэта БДУ: Навук. зб. Вып. 4 / Рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.] — Мн: БГУ, 2009. — С. 128–141.

А. П. САЛЬКОВ

СССР И ТРИЕСТИНСКИЙ КРИЗИС (май — июнь 1945 г)

В сентябре 1943 г. при НКИД СССР была образована Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства (Комиссия Литвинова). В перечне подлежащих разработке проблем обозначался один из приоритетов: «Югославско-итальянская граница (Далмация, Триест, Фиуме)» [1, док. 55, с. 245]. Дело в том, что выход Италии из войны в июле 1943 г. создал новую обстановку на Балканах. Германский вермахт оккупировал всю бывшую итальянскую зону в Югославии (создана Римским соглашением независимого государства Хорватия с Италией от 18 мая 1941 г.), а также Истрию с Триестом (принад-

лежали Италии еще со времен Рапалльского соглашения 1920 г.). 10 сентября А. Гитлер создал «Оперативную зону Адриатического побережья», включавшую Словению, Истрию, Триест, Риеку (Фиуме). В тот же день с согласия фюрера поглавник НГХ А. Павелич подписал документ о денонсации Римского соглашения, что означало возврат Хорватии Далмации, но не имело касательства к судьбе Истрии и Риеки [2, str. 365—378].

По мере успешного развития освободительного движения органы власти новой Югославии стали поднимать территориальную проблему, созданную в Рапалло. Еще до капитуляции Италии — 1 марта и 26 мая 1943 г. Антифашистское вече народного освобождения Хорватии делало заявления о будущей югославско-итальянской границе. Окружные народно-освободительные комитеты Приморской Словении (11 сентября) и Истрии (13 сентября) приняли решения об объединении соответственно Приморья со Словенией, а Истрии с Хорватией [3, str. 136]. Однако словенское и хорватское освободительные движения не воспринимали национальных запросов итальянского населения Истрии, что выразилось в итальянских погромах осени 1943 г., учиненных югославскими партизанами в городах западного побережья полуострова, создав синдром этнического страха [4, str. 50].

29 сентября Италия подписала «Исчерпывающие условия» капитуляции, согласованные с Москвой, и объявила 13 октября 1943 г. войну Германии. В связи с этим СССР, Великобритания и США в тот же день признали Италию «совместно воюющей стороной» [5, док. 292, с. 476], что существенно повлияло на ее восприятие союзниками при решении впоследствии территориальных споров вокруг Словенского Приморья и особенно Триеста.

Проблема отношения к Италии, влияния СССР на Балканах и связанное с этим формирование взглядов на новую итало-югославскую границу все более волновало советскую дипломатию. В концептуальной разработке заместителя наркома иностранных дел И. М. Майского по вопросам послевоенного устройства от 10 января 1944 г. подчеркивалось: Италии «необходимо дать понять, что союзники, в частности СССР, не забыли ее роли в этой войне». Предлагалось гарантировать Италии целостность ее европейских владений, «но исключая все ее прежние владения на Балканах» [6, док. 1, с. 28].

Однако к весне 1944 г. советское руководство уже ясно осознавало, с какими международными проблемами может быть связано заявленное КПЮ намерение присоединить к новой Югославии Триест с окрестно-

стями. Поэтому СССР на данном этапе склонился к решению не стимулировать триестинский вопрос и выждать более подходящее время для его постановки.

В конце лета 1944 г. в Комиссии Литвинова разрабатывалась объемная записка «Об обращении с Италией». На заседании 4 сентября членами комиссии был предпринят критический разбор ее исторической части. Я. З. Суриц отметил, что Рапалльским договором 1920 г. адриатическая проблема была решена вопреки интересам Югославии, которая не получила ни одного настоящего морского порта. Поэтому теперь Югославии должна быть передана вся Истрия. Однако у Сурица были «некоторые сомнения относительно Триеста» — следует ли и его целиком передать Югославии или, изъяв из суверенитета Италии, придать Триету «характер нейтрального и поставленного под международный контроль порта». М. М. Литвинов склонялся к последнему решению, руководствуясь этническим составом населения. Однако Суриц сослался на перепись 1913 г., по которой в Триесте проживало 118 тыс. итальянцев и 70 тыс. славян, поэтому его нельзя рассматривать как «сплошь итальянский город». В качестве порта Триест обслуживал не долину реки

По, а бассейн рек Савы и Дравы, поэтому больше являлся портом славянским, чем итальянским. Поэтому Суриц считал «возможным допустить в качестве одного их вариантов и отход Триеста к Югославии» [7, л. 70—72].

С. А. Лозовский хотя и считал, что Италия не должна «подвергнуться такой же экзекуции, как Германия», но думал действовать так, чтобы Италия «действительно, по-настоящему почувствовала результаты этой войны, потеряв колонии и целый ряд территорий». Поэтому хотел передать Триест Югославии, а не превращать его в интернациональный город. Е. В. Тарле был наиболее решительно настроен против Италии, предлагая ослабить ее. Он считал, что Италия «всегда будет продавать свою силу против нас, а если она будет слабой, то ее никто не купит». Тарле предупреждал: «…предстоят тревожные еще времена, и память об известного рода ущербе, который влечет за собой нападение на Россию, будет иметь действие даже для итальянского народа, впечатлительного, легко увлекающегося и трижды воевавшего против нас без провокации с нашей стороны». Б. Е. Штейн также считал, что на Балканах «необходимо прекратить какую бы то ни было роль Италии» [7, л. 73—79].

Подводя итог дискуссии, Литвинов высказал ряд примечательных мыслей. Он не считал, что, изгоняя Италию из Балкан, необходимо

«полностью изгнать ее из Истрийского полуострова, западное побережье которого нисколько не связано с Балканами», и допускал, что может представиться «такой крайний случай, когда можно будет предоставить Италии несколько городов на побережье Истрийского полуострова, населенных итальянцами». В отношении самого Триеста Литвинов развернул целую систему взглядов. Во-первых, он считал, что Триест как порт не нужен ни Италии, ни Югославии, если последняя получит Фиуме (Риеку) и Зару (Задар). Поэтому полагал правильным «предоставить Триест в пользование тем государствам, которые не имеют выхода к Южным морям — Австрии, Чехословакии». Во-вторых, он всего лишь допускал: «Возможно, что при некоторых особых наших отношениях с Югославией, мы предпочтем передать ей и Триест». Однако тут же оговаривался, что мировое общественное мнение скорее всего будет возражать против передачи Югославии города, населенного преимущественно итальянцами. В-третьих, Литвинов весьма благосклонно высказался в пользу интернационализации Триеста: «…нам неплохо было бы иметь свой наблюдательный пункт в Адриатике, каковой мы получим, если будем участвовать в международной администрации Триеста» [7, л. 80—82].

Таким образом, в Москве пока не сложилась концепция относительно Истрии, а тем более Триеста, и не созрел окончательный план действий в данном регионе. Однако уже были налицо завышенные представления Москвы о возможностях СССР продуцировать выгодные для себя решения, к тому же в условиях их высокой вариабельности.

Несмотря на успехи народно-освободительного движения в Югославии, вступление советских войск 22 сентябрю 1944 г. на ее территорию и освобождение 15 октября Белграда, проблема влияния великих держав на Балканах продолжала оставаться нерешенной. Еще в мае 1944 г. начались советско-британские переговоры о разделе сфер ответственности в регионе. Однако ввиду возражений Ф. Рузвельта, У. Черчилль предложил в июне трехмесячный мораторий [8, с. 372—375]. В ходе визита Черчилля в Москву в октябре 1944 г. он предложил свое знаменитое «процентное соглашение» — попытку, по определению президента российской Ассоциации историков Второй мировой войны О. А. Ржешевского, «в необычной форме… разграничить сферы послевоенного устройства Европы и таким образом найти путь к геополитическому компромиссу на ближайшие годы». И на первой встрече Черчилля со Сталиным 9 октября, и по итогам двухдневного «торга» В. М. Молотова с главой Форин офис А. Иденом, влияние СССР и Запада в Югославии осталось равным — 50 на 50 % [9, док. 161, с. 420—423; док. 162, с. 433—434, 436].

Между тем руководство КПЮ уже неоднократно высказывало территориальные претензии ко всем соседним странам, включая Италию. Однако еще в ходе встречи У. Черчилля с И. Броз Тито и И. Шубашичем в Неаполе (12—13 августа 1944 г.) стало очевидным стремление западных союзников установить свой контроль и военное управление в Триесте. Это заставило новые югославские власти вновь заявить 12 сентября о решимости присоединить этот город с обширным регионом (тем более что там уже активно действовали части Народно-освободительной армии Югославии) и обратиться за содействием в решении триестинского вопроса к СССР. В ходе визита Тито в Москву 21—28 сентября 1944 г. и его переговоров со Сталиным было согласовано решение о временном вступлении советских войск на территорию Югославии [10, док. 407—408, с. 317—318].

Однако именно осенью 1944 г. начала реализовываться и одна из самых загадочных советских инициатив на Балканах, о чем не имеется упоминаний в российской научной литературе. Речь идет о двух тайных попытках СССР за спиной титовского руководства установить контакты с НГХ. Их целью, как считается в современной хорватской историографии, был выход Красной Армии на Адриатическое побережье раньше англо-американских войск и занятие Триеста. В сентябре советская сторона предприняла первую подобную

попытку — через главу хорватского торгового представительства в Цюрихе (Швейцария) И. Милковича она стремилась установить контакт с поглавником А. Павеличем. Смысл предложения сводился к следующему: Москва не имеет ничего против существования хорватского государства и его режима, но нуждается в проходе своих войск к Адриатике, что лучше всего обеспечить мирным, а не военным путем. Павелич отклонил такую возможность и проинформировал командующего силами вермахта на Адриатике адмирала И. Лейтцмана, который истолковал этот отказ глубокими и давними антикоммунистическими убеждениями поглавника [11, str. 7—20].

В ходе визита делегации Национального комитета освобождения Югославии (НКОЮ) в СССР ее глава А. Хебранг на встрече с И. В. Сталиным 9 января 1945 г. заявил о необходимости присоединения Истрии с портами Триест, Пула и Риека, а также показал этнографическую карту края с предполагаемой границей. Реакция Сталина была осторожной: «Необходимо, чтобы сами эти области требовали

своего присоединения к Югославии». Члены югославской делегации заверили, что «эти области полностью находятся в югославских руках», а антифашистские веча Хорватии и Словении уже приняли решения об их присоединении к Югославии. В Триесте же и Риеке имеются лишь малочисленные группы, которые требуют «автономии для этого района под протекторатом Англии». На это Сталин и Молотов как-то некстати вспомнили о неофициальном разговоре с Черчиллем, который предлагал выделить Истрию в автономную область, что позволило бы будущей Австрии получить выход к Адриатическому морю. Тем самым советское руководство, не отвергая югославских претензий к Италии, склонялось к их решению дипломатическим («на будущей мирной конференции»), а не военным или иным явочным путем [12, док. 37, с. 126—127].

На Крымской конференции (4—11 февраля 1945 г.) проблема итало-югославской границы была поднята А. Иденом, который пока не ставил «вопроса о том, какой должна быть эта граница». В британских «Заметках для министров иностранных дел относительно Венеции — Джулии» Иден отмечал, что эта провинция на северо-востоке Италии (в славянской традиции именовалась Юлийской Крайной, включая Истрию и сопредельные с Италией и Австрией районы с хорватским и словенским населением) «представляет собой потенциальный пороховой погреб». Первоначально Лондон предполагал установить здесь свою военную администрацию. Однако столкнулся с явным несогласием Тито, поняв, что он «несомненно, намерен сам управлять значительными территориями, которые, по его мнению, должны принадлежать Югославии и часть которых уже контролируется его партизанами». Поэтому Иден предложил выработать временную демаркационную линию и добиться согласия на нее от Тито. Однако эти инициативы не были рассмотрены, так как из-за советского противодействия не имели шансов быть принятыми [13, док. 11, с. 134; док. 17 и прилож. 4, с. 196, 201—202; док. 22, с. 255]. Даже будучи благовидно отклоненными, они отразили стремление Лондона воспрепятствовать установлению югославского контроля над сопредельными территориями Италии, населенными словенцами и хорватами. Новая же Югославия провозгласила своей задачей присоединение этих земель.

Интересно, что Москва все еще не отказалась от идеи получить с помощью усташей возможность продвинуться к Адриатике через территорию НГХ. В марте 1945 г. Павелич получил письмо советского посла во Франции А. Е. Богомолова, в котором говорилось о готовности

СССР признать НГХ при соблюдении уже более жестких условий: НГХ пропускает советские части к своему Адриатическому побережью; разрешает свободное функционирование Компартии Хорватии (создана группировкой Тито в ЦК КПЮ еще в августе 1937 г.); обязывается не вступать в антисоветские альянсы. Однако и эта попытка советско-хорватского контакта не дала результатов [14, str. 235].

5—20 апреля 1945 г. проходил официальный визит югославской делегации в СССР. Территориальные претензии Демократической Федеративной Югославии (ДФЮ) изложил министр иностранных дел единого югославского правительства И. Шубашич на встрече с Молотовым. Они «исчерпывались» Истрией и пограничными районами Австрии и Венгрии. Черчилль, по словам Шубашича, «очень неопределенно» высказывался об этих претензиях и рекомендовал вообще не упоминать об Истрии. Шубашич отметил, что «Ватикан ведет большую работу против передачи Истрии Югославии, создавая различные проекты вроде проекта образования самостоятельного государства Истрии, которое, по замыслам Ватикана, осуществляло бы свое влияние среди католиков Словении». Предвидя разногласия, Шубашич поручил историкам разработать «самую строгую и объективную аргументацию югославских территориальных претензий», считая, что границы должны исправляться «при строгом соблюдении национальных, этнографических принципов» [10, док. 564, с. 429—430].

Примечательны взгляды, изложенные Сталиным за ужином на даче в Кунцево после подписания 11 апреля Договора о дружбе между СССР и ДФЮ. Они касались особого характера текущей войны и сводились к следующему: «Кто оккупирует территорию, тот навязывает ей свою собственную социальную систему. Каждый навязывает свою собственную систему настолько далеко, насколько может продвинуться

его армия. По-другому и быть не может» [15, с. 131—132]. Не случайно, в последние дни войны в Европе возникли два крупных политических кризиса, связанных с югославским военным присутствием в сопредельных регионах — в южном районе австрийской провинции Каринтия (Корушка) со словенским населением [подробнее см. 16] и в Триесте, став тревожными предвестниками холодной войны.

Англия больше всего опасалась сценария событий с захватом югославами Триеста военным путем. Еще в феврале 1945 г. на переговорах в Белграде главнокомандующий западными силами на Средиземноморье фельдмаршал Г. Александер предложил Тито установить во всей Истрии военное управление союзников. Отклонив это предложение,

югославский лидер тем не менее заключил «соглашение Тито — Александер». Его смысл сводился к тому, что одна часть Истрии переходила под югославское как военное, так и гражданское управление. Другая часть, включая Триест, — под западное военное управление с югославской гражданской властью. Как объяснял позже Тито, причиной его уступчивости была уверенность, что югославские войска не смогут достигнуть Триеста раньше союзных. Однако в результате отчаянного броска 1—2 мая 1945 г. югославские части, опередив союзников на несколько часов, заняли с благословения Москвы почти весь Триест и большую часть Словенского Приморья. Западные союзники, срочно брошенные к Триесту, заняли его пригороды и порт [17, с. 46—59]. 5 мая Тито резко высказался о «“нахальном поступке” англичан [на деле это была новозеландская дивизия. — *А. С.*], вошедших в Триест после его освобождения Югославской армией, да еще заявивших о взятии пленных». Он обозначил свою позицию: «Англичане хотят иметь Триест, но мы его не отдадим, мы не можем его отдать… Триест мы ни в коем случае им не можем уступить — англичане пользуются портом и этого для них достаточно» [18, разд. «Югославия», док. 106, с. 280—281].

На протяжении первой половины мая союзники требовали выполнения февральского соглашения, а югославы всячески стремились сохранить Триест и всю область под своим контролем, пожертвовав лишь портом. 15 мая к урегулированию кризиса подключились правительства Англии и США. В своих нотах Белграду они потребовали немедленного согласия на военное управление союзников в Триесте. При этом речь шла не об эвакуации югославских войск из города и западной зоны, а лишь об их сотрудничестве в деле организации управления союзников. В тот же день Черчилль направил послание Сталину, что выводило Москву из позиции формального невмешательства и требовало занять определенную позицию. 18 мая она была сформулирована и заключалась в следующем. Сталин прагматично расценил сохранение югославского военного и административного присутствия в Триесте как уступку. По его мнению, она давала шанс для последующей дипломатической борьбы за судьбу края с получением в итоге хотя бы части западной зоны. Подобная позиция расходилась с устремлениями Тито, который еще 17 мая спешно ответил на ноты союзников, настаивая на сохранении своего военного контроля над всей занятой территорией. Белград не решается отвергнуть рекомендации Москвы, но выдвигает условия равного статуса своих войск с западными, полного сохранения своей гражданской власти, увеличения своей — восточной зоны Вене-

ции — Джулии (она охватывала в основном Истрию). 21 мая в Москве было получено послание президента США Г. Трумэна, в котором он прямо обращался к Сталину за содействием в урегулировании проблемы на базе западных требований, изложенных 15 мая. В тот же день, 21 мая, Белград в своей ноте и сам соглашается с платформой 15 мая. После затянувшейся дипломатической паузы Запад дает ответ (в Москве он получен 31 мая, а в Белграде — 2 июня) на югославскую ноту от 21 мая, к нему был приложен проект соглашения. Югославское военное присутствие сводилось к символическому двухтысячному контингенту, что означало фактическое отстранение Белграда от реального участия в управлении зоной, которая отходила под западный контроль. В югославской историографии существует версия (не подтвержденная документально) о том, что в секретном приказе Тито от 6 июня цитировалась телеграмма Сталина, потребовавшего в течение 48 часов вывести югославские войска под командованием генерала П. Дапчевича из Триеста, мотивируя это тем, что СССР не хочет из-за триестинского вопроса быть втянутым в третью мировую войну. 8 июня Сталин ответил на послание Трумэна, лишь скромно упомянув о «югославских интересах». Таким образом, и Москва, и надеявшийся на ее поддержку Белград вынуждены были отступить. Триестинский кризис обратился крупным политико-дипломатическим поражением Югославии. По оценке наиболее глубокого знатока проблемы Л. Я. Гибианского, возможности СССР были «лимитированы практическим соотношением сил на мировой арене и тем реальным местом, какое триестинский вопрос занимал в иерархии приоритетов тогдашней советской внешней политики» [17, с. 48—59].

Белградское соглашение ДФЮ с Англией и США от 9 июня 1945 г. закрепило положение, которое предусматривалось еще «соглашением Тито—Александер». Отдельным соглашением от 20 июля между начальником штаба союзных войск в Италии генерал-лейтенантом У. Морганом и начальником штаба НОАЮ генерал-лейтенантом А. Йовановичем была определена линия демаркации (так называемая линия Моргана). Она делила Истрию на зону «А» (северо-западная часть с Триестом и анклав Пулы на южной

оконечности полуострова), оккупированную англо-американцами, и зону «Б» (остальная — большая часть края), контролируемую югославами.

Спор о Триесте имел многомерный формат. Он затронул и отношения между ВКП (б) и Итальянской компартией (ИКП). Ее лидер П. Тольятти в феврале и апреле 1945 г. направлял в Москву два обращения по

триестинскому вопросу. В них, как отметил в своем дневнике Г. Димитров, Тольятти считал Триест итальянским городом, опасаясь, что спор за него «внесет раскол в итальянском народе и между итальянским и югославским народами» [19, с. 241—242]. Третье, самое резкое послание было направлено в середине мая. Димитров, получив телеграмму Тольятти, 18 мая письмом сообщил об этом Сталину, а копию этого письма направил Молотову. В нем говорилось, что югославская позиция по Триесту затрудняет положение ИКП и «создает англо-американцам ненужную популярность» [20, л. 45—48]. Однако 28 мая Димитров с санкции Сталина направил ответ, в котором говорилось о целесообразности передачи Триеста Югославии и рекомендовалось Тольятти публично занять именно такую позицию [21, с. 194], что руководством ИКП фактически исполнено не было.

Кроме геостратегического значения Триеста, большую роль для Запада играл и гуманитарный фактор. Наихудшее впечатление на союзников произвело жестокое поведение югославских войск в Триесте, что замалчивалось в советской и югославской историографии. По ряду данных, югославы устроили в городе резню пленных немцев, итальянских полицейских и даже итальянских антифашистов, считавших, что Триест должен оставаться в составе Италии. Количество расстрелянных определяется разными авторами от 2 до 3,5 тыс. человек [22, с. 240; 23, p. 86].

Сорокадневный «триестинский кризис» поставил мир на грань новой войны. Советский посол в Лондоне Ф. Т. Гусев в своей телеграмме в Москву рассказал о завтраке у Черчилля 18 мая, где тот на повышенных тонах изложил пять конфликтных проблем в отношениях Запада с СССР. Открывал этот перечень Триест. Позиция британского премьера в изложении Гусева была следующей: «Тито подкрался к Триесту и хочет завладеть им. Черчилль показал руками на столе, как Тито подкрадывается к Триесту. Мы не позволим, — прорычал Черчилль, — чтобы территориальные вопросы решались путем захвата, а не на мирной конференции… Тито не желает отводить свои войска из Триеста… Триест входит в нашу зону оккупации и, как порт, он должен стать международным под итальянским флагом». Характеризуя серьезность общего положения, Черчилль, не слушая возражений Гусева, заявил: «Ваш фронт проходит от Любека до Триеста. Вы держите в своих руках столицы и никого туда не пускаете (в апреле — мае 1945 г. Вена, Берлин и Прага были вне досягаемости войск западных союзников. — *А. С.*), положение в Триесте угрожающее… общая атмосфера накале-

на…» В дополнительной телеграмме в тот же день Гусев сообщал, что Черчилль «говорил о Триесте и Польше с большим раздражением и нескрываемой злобой. По его поведению видно было, что он с трудом сдерживает себя». В рассекреченном в 1998 г. личном досье У. Черчилля был обнаружен план экстренной операции под кодовым названием «Немыслимое» по военному вытеснению Красной Армии из Центральной Европы (начал разрабатываться не позднее апреля, а был датирован 22 мая 1945 г.). План содержал вывод: «Для надежного и прочного достижения нашей политической цели, необходим разгром России в тотальной войне» [9, док. 185, с. 520—521; док. 186 и комментарий, с. 524—527].

На Потсдамской конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.) была предпринята попытка широко обсудить территориальную проблему Истрии — Триеста. 19 июля Великобритания внесла «Предложение по югославскому вопросу», обвинив Тито в невыполнении ялтинских решений о Югославии. Западные делегации в ходе работы конференции стали настаивать на обсуждении этого документа. Советская делегация сделала ответный ход. 30 июля она внесла «Предложение в связи с положением в районе Триест — Истрия». Советский документ основывался на содержании письма Тито и Шубашича, полученного Сталиным 26 июля. В нем говорилось о невыполнении Англией и США Белградского соглашения от 9 июня, а также указывалось на восстановление в западной зоне итальянских фашистских законов и властей. Развивая натиск, СССР 31 июля внес «Предложение по вопросу о Греции», обвинив ее в несоблюдении Варкизского соглашения 12 февраля 1945 г. (заключено после высадки английских войск в Греции, почти полностью освобожденной от немецких оккупантов Национально-освободительным фронтом — ЭАМ). Британская делегация оказалась в весьма щекотливом положении. Новый (с 28 июля) министр иностранных дел Э. Бевин на вечернем заседании 31 июля предложил отказаться от рассмотрения всех трех предложений: английского о Югославии и двух советских — о Триесте — Истрии и о Греции, с чем все согласились [24, док. 8, с. 89; док. 26, с. 264; док. 42, с. 324—325; док. 131, с. 426—427; док. 143, с. 438].

Руководство ИКП, исходя из своих установок, продолжало искать пути решения триестинского вопроса. Генеральный секретарь Всеобщей конфедерации труда Италии, член политбюро ЦК ИКП Дж. ди Витторио, находясь во главе профсоюзной делегации в СССР, выполнил поручение Тольятти «поставить в конфиденциальном порядке на

рассмотрение самых ответственных товарищей» предложение о способе решения проблемы Триеста. 5 августа 1945 г. он обратился с письмом к Сталину и Молотову. После ритуальных фраз о том, что руководство ИКП «не будет публично выступать с этим предложением без Вашего одобрения», будет «защищать всеми силами решение, которое Вы нам рекомендуете, каково бы оно ни было», ди Витторио изложил условия, в которых вырабатывалось предложение Тольятти и его суть. Сообщалось, что вопрос о Триесте используется в Италии в качестве главного повода для изоляции ИКП. В недалеком прошлом лозунг «Триест — итальянский город» был «знаменем для итальянской демократии» в борьбе против Австро-Венгрии и союза Италии с кайзеровской Германией, став весьма популярным среди народа. В ходе триестинского кризиса в мае — июне все партии Национального комитета освобождения активно поддержали требование националистов к правительству об обращении к Англии и США на предмет оккупации ими Венеции — Джулии. В этой обстановке ИКП приходилось «лавировать, чтобы не предстать как антинациональная партия». Поэтому с учетом всех этих обстоятельств Тольятти предложил «на известный период полную политическую и таможенную автономию города Триеста и спорной области путем прямых переговоров» между Италией и Югославией. Спустя 2—3 года предусматривалось окончательное решение вопроса через плебисцит. В письме сообщалось, что всеобщие симпатии, включая пролетариат Триеста, находятся на югославской стороне. При режиме автономии все органы власти ориентировались бы на демократическую Югославию, которая «могла бы таким образом фактически управлять областью» [20, л. 89—92].

Спешное урегулирование за счет интересов Югославии триестинского кризиса не решило триестинскую проблему. Она горячо обсуждалась на трех сессиях Совета министров иностранных дел в Лондоне, Париже и Нью-Йорке в 1945—1946 гг., Парижской мирной конференции 1946 г., потребовала создания государственного образования Свободная территория Триест (СТТ), была важным фактором советско-югославского конфликта. В октябре 1954 г. (уже без участия СССР) в Лондоне был заключен договор о разделе территории СТТ, по которому узкая полоса вдоль Триестинского залива с Триестом и мелкими городками была все же присоединена к Италии. Окончательно югославско-итальянская граница была подтверждена только соглашениями 10 ноября 1975 г. в итальянском городе Осимо [подробнее см. 25].

ЛИТЕРАТУРА

1. СССР и германский вопрос. 1941—1949. Документы из АВП РФ: в 4 т. М.: Междунар. отношения, 1996—2003 / Г. П. Кынин, Й. Лауфер (сост.). Т. 1: 22 июня 1941 — 8 мая 1945. 1996. 784 с.

2. *Kisić-Kolanović, N.* NDH i Italija: političke veze i diplomatski odnosi / Nada Kisić-Kolanović. Zagreb: Naklada Ljevak: Hrvatski institute za povijest, 2001. 469 str.

3. *Radelić, Z.* Hrvatska u Jugoslaviji 1945.—1991.: od zajedništva do razlaza / Zdenko Radelić. Zagreb: Školska knjiga: Hrvatski institute za povijest, 2006. 701 str.

4. Slovensko-italijanski odnosi 1880—1956, poročilo slovensko-italijanske komisije / uredili Milica Kacin Wohinz, Nevenka Troha. Ljubljana: Nova revija, 2001. 163 str.

5. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945: док. и материалы: в 2 т. / МИД СССР. М.: Политиздат, 1983. Т. 1: 1941—1943. 542 с.

6. Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. Документы: в 2 т. М.: РОССПЭН, 1999—2002 / Т. В. Волокитина (отв. ред.). Т. 1: 1944—1948 гг. 1999. 687 с.

7. Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 06 (Секретариат В. М. Молотова). Оп. 06. П. 14. Д. 141 — Материалы Комиссии Литвинова.

8. *Черчилль, У.* Вторая мировая война: в 3 кн. / У. Черчилль. М.: Воениздат, 1991. Кн. 3. 702 с.

9. *Ржешевский, О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941—1945 / О. А. Ржешевский. М.: Наука, 2004. 564 с.

10. Отношения СССР (России) с Югославией. 1941—1945. Документы и материалы / И. Б. Бухаркин (предс. ред. колл.) [и др.]. М.: Терра, 1998. 656 с.

11. *Jareb, J.* Sovjetski dodiri s dr. Antom Pavelićem od rujna 1944. do veljače 1945. / Jere Jareb // Časopis za suvremenu povijest (Zagreb). 1995, br. 1.

12. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг.: в 2 т. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997—1998 / Г. П. Мурашко (отв. ред.) [и др.]. Т. 1: 1944—1948. 1997. 985 с.

13. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны: в 6 т. М.: Политиздат, 1979—1984 / А. А. Громыко (гл. ред.) [и др.]. Т. 4: Крымская конференция. Сб. док. 1979. 326 с.

14. *Matković, H.* Povijest Nezavisne Države Hrvatske / Hrvoje Matković. 2. prošireno izd. Zagreb: Naklada Pavičić, 2002. 332 str.

15. *Джилас, М.* Беседы со Сталиным / Милован Джилас. М.: Центрполиграф, 2002. 221 с.

16. *Сальков, А. П.* Югославско-австрийские территориальные противоречия и СССР (40-е годы XX в.) / А. П. Сальков // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. 2004. № 6.

17. *Гибианский, Л. Я.* Сталин и триестинское противостояние 1945 г.: за кулисами первого международного кризиса холодной войны / Л. Я. Гибианский // Сталин и холодная война / А. О. Чубарьян (отв. ред.). М.: Наука, 1997.

18. Русский архив: Великая Отечественная. Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944—1945. Документы и материалы / В. А. Золотарев (предс. ред. колл.) [и др.]. Т. 14—3 (2) / А. Д. Ефремов (сост.) [и др.]. М.: Терра, 2000. 688 с.
19. *Димитров, Г.* Дневник. Март 1933 — февруари 1949. Избрано / Г. Димитров. София: Изток — Запад, 2003. 509 с.
20. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17 (ЦК ВКП (б). Оп. 128. Д. 716 — Записки Отдела международной информации в ЦК ВКП (б) о позиции Югославии и Италии в вопросе о Триесте.
21. *Васильева, Н.* Балканский тупик?.. (Историческая судьба Югославии в XX веке) / Н. Васильева, В. Гаврилов. М.: Гея итерум, 2000. 480 с.
22. *Уэст, Р.* Иосип Броз Тито: власть силы / Ричард Уэст. Смоленск: Русич, 1998. 512 с.
23. *Wohinz, M. K.* Storia degli sloveni in Italia 1866—1998 / Milica Kacin Wohinz, Jože Pirjevec. Venezia: Marsilio Editori, 1998. 151 p.
24. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны: в 6 т. М.: Политиздат, 1979—1984 / А. А. Громыко (гл. ред.) [и др.]. Т. 6: Берлинская (Потсдамская) конференция. Сб. док. 1980. 551 с.
25. *Vukas, B.* Osimski sporazumi i hrvatsko-talijanski odnosi: pravnopovijesni pogled / Budislav Vukas, ml. Rijeka: Pravni fakultet Sveučilišta, 2007. 121 str.